

СТРАНИЦЫ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

14

Мне берзка дарила сережки, а рыбина дарила цветы...

Так стройно, так ладно выводили песню Нина, Валентина и Наталья. Как будто и не расставались никогда, как будто все время так и пели вместе в одном ансамбле. Тонкие струны воспоминаний тронула эта песня в душе Петра.

... Сразу после своего зажигательного танца он спешил в зал или оставался за кулисами, чтобы послушать, как поет Нина. Выходила она со своими подругами из ансамбля «Уралочка» под яркие юпитеры в длинном зеленом нарядном платье, со сверкающим кошником на голове, с румянцем во всю щеку и горящими глазами. Впервые столкнувшись с этими большими бездонными глазами, Петя даже остолбенел. Открыл было рот сказать по привычке что-то обычное, типа: «Ну что, глазастая, потанцуете сегодня вечером на танцпольке?», но так и замер с открытым ртом, онемев от ее смелого взгляда. Растерялся, первый раз оробел разбитой, веселый плясун, любимец публики, легкий в горячих танцах, свободный в обыденной жизни.

Оробел и голову потерял. Заметив его странную привычку оставаться за кулисами или выходить в зрительный зал, когда поет Нина, друзья стали над ним подтрунивать. Девчонки же из танцевального даже ехидничали. Кто-то замечал его у заводской проходной, когда он, насупив ополоснувшись после смены, дожидался Нину. Кто-то засек, как он прохаживался вечером совсем в другом краю рабочего поселка, возле Нининого подъезда. А Таня, его напарница по венгерскому танцу, однажды на репетиции заметила как бы между прочим: «А

ты знаешь, Петюня, что Нина твоя по Васе Рындиному сохнет давно?» Как обухом по голове. Уж Таня наверняка это знала, ведь она работала вместе с Ниной, в одной бригаде, а там, в цехе, девчонки видят не только качество металла.

Так оно и было. Никого Нина не замечала, кроме кучерявого баяниста Васки Рындиного, этого легкомысленного верхогляда, слесаря из механического цеха. Во дворце он играл редко, только на смотрах художественной самодеятельности, а по свадьбам да вечеринкам ходил охотно. И напиившись там изрядно: гармонику всегда подливают, не жалея.

Мать, когда узнала о страданиях дочери, попыталась было об-

бавал объясниться с ней. Нет, не слышала она его сердца, не откликалась на его волнующее бие. Не судьба...

... Много добрых песен отзвучало за праздничным столом Рындиных. Вспомнили все любимые мелодии шестидесятых. Василий разошелся не на шутку (баяна, говорит, давно в руках не держал: меха уже, наверно, рассохлись). Пальцы так и бегали по кнопкам без усталости, лады пели и страдали, зажигали и успокаивали. Мужчины поддерживали своих жен, как могли.

Нина поднялась из-за стола: чаю готовить пора. «Я тебе помогу», опередил всех Петр, — я вообще по посуду мыть люблю». Вален-

Все это Нина говорила медленно, как бы рассуждая про себя, взвешивая правдивость каждого своего слова.

— И с Васей у меня все хорошо. С ним я тоже счастлива. И давай больше не будем об этом, — уже жестко закончила Нина.

— Хорошо, не будем. В конце концов я не поп, исповедоваться мне не надо. Прости, если что-то не так сказал. Просто мне показалось, что Василий одно время слишком увлекся этой злодейкой, — Петр кивнул на

УРАЛОЧКА

разумить ее: «Да Рындиных этих, непутевых, вся Метизная площадка знает. И с Васки ихнего толку не будет. В музучилище поступил — бросил. На заводе на хорошей работе начинал — не удержался. Ты что, совсем слепая, разве не видишь, какой он несерьезный оболтус вырост? Ишь, кудри-то распустил, варнак этакий!»

— Да знаю я, знаю! Вижу все, — выдохнула Нина с трудом. — Знаю все, но почему, мама, так больно здесь?

Нина жала кулачки на груди. И тут же уронила голову, обхватила ее ладонями, разрыдалась от бессилия. Мать тихо подошла к дочери, стала гладить ей голову, тяжело вздохнула: «Потерпи, доченька. Вот заберут его в армию — забудется, а там, глядишь, кто дружок полюбится».

В ту осень Васку в армию забрали, на флот. Но он успел перед отправкой наказывать Нине, чтобы ждала его и писала ему. Нина с радостью согласилась. И четыре года ждала его верно, изливая свои чувства в письмах.

И ничего-то путного не вышло у Петра из его любви к Нине, хоть и отслужил он на год раньше, и про-

тина подтвердила: да, мол, он у меня всю посуду перемоет, и чисто так получается, чище, чем у меня.

Нина хлопотала рядом с плитой, что-то доставала из холодильника и весело мурлыкала себе под нос. Петр остановил ее неожиданным вопросом:

— Нина, все спросить тебя хочу: ты счастлива?

— В каком смысле? — вскинула свои большие глаза Нина. — Почему ты решил спросить об этом?

— Просто мне интересно, счастлива ли ты с Василием? Может, я ревную тебя до сих пор.

— Да уж ладно тебе вспоминать-то о былом, тридцать лет уж прошло с лишним. У тебя своя семья, у меня — своя. Дети переженились. Счастлива ли? Об этом давно уж не задумываюсь. Счастлива, конечно. Какая я счастливая была, когда замуж выходила, тебе это знать не положено. Я — счастливая мать: дети благодарные. Я — счастливая свекровь и даже счастливая теща. А самое главное — счастливая бабушка. Что еще надо в жизни? Чтобы дети счастливей нас, мне больше ничего и не надо.

недопитую бутылку на столе.

— Было дело, — глаза у Нины как-то сразу потемнели. — А вы что, не помогали ему в этом? Ты его не потчевал на наших гулянках: «Вася, за тебя, Вася, выпей!» И если бы только вы с Колей, а то ведь все так же угоривали. А он — безотказный. Пришлось мне обрезать все связи с родными, друзьями, близкими. Каково мне досталось, ты не знаешь, да и ни к чему. Сколько времени мы не встречались, не собирались вместе? Лет четырнадцать уже. Одни сидели дома, как бируки, никуда не выходили. И вот сегодня осмелились, наконец, пригласить старых друзей.

— И мы рады были приглашению. Уж не знали, что подумать: обидели мы вас чем-то, что ли?

— Да была у меня и обида. Бросили меня одну с нашей бедой. А потом думаю: на кого обижаться, сама виновата. Но справились вроде сами, вместе с Васей и справились. И опять я счастлива. По-настоящему счастлива.

— Извини, Нина, прости меня, дурака неотесанного за такой разговор. Лучше бы мне его не начинать.

— Ничего. Будем считать, что и не было никакого разговора.

Василий с Николаем курили на балконе. Валентина с Натальей о чем-то мирно судачили на диване, разглядывая в семейном альбоме старые фотографии. Узнавали и не узнавали себя, своих сверстников.

Василий снова взялся за баян: «Давайте нашу, морскую!» И завел про черноморочку:

— Как с такой матросою не дружить,

Как такой ему не дорожить?

Вот такая черноморочка — Как такую не любить?

Вел Вася уверенно, ни куплета, ни строчки не пропустил. Гости подхватывали дружно. Последний припев Василий закончил несколько иначе:

— Вот такая она, уралочка,

Как такую не любить?

Сомкнул меха, схватил неловко Нинины руки и расцеловал их. Большие Нинины глаза вспыхнули счастьем.

М. КОТЛУХУЖИН.

ЖИТЕЙСКОЕ МОРЕ

НА РОДУ ЛИ НАПРИМЯНО?

«Случайность» — говорят часто о каком-либо выходящем из ряда вон событии. Или: «Все — дело случая». Кто-то полагается всю жизнь на «случай», другие не ожидают его, а творят свою жизнь и судьбу сами...

Хотя в последние годы многие из ученых в своих статьях говорят о том, что случайностей не бывает, есть цепь закономерностей, из которых складывается человеческая судьба. Некоторые даже предполагают наличие какого-то информационного поля, где чуть ли еще не до рождения человека закодирована его судьба. Вот и разберись тут...

Один очень близкий мне человек поведал просто потрясающую историю целой семьи, что поневоле повергло меня в глубокие раздумья.

Еще до Великой Отечественной приехала из далекой деревни на Магнитку молодая девушка Шура. Устроилась тут на швейную фабрику. А вскоре и война — тяжкое испытание для всех. В это же время из оккупированной фашистами Украины был угнан в Германию молодой парень Федор. После Победы вернулся на родину, но, как и большинство в то время, был репатрирован. Так и оказался он в Магнитогорске. Нашел со временем спокойную работенку, повстречался с нашей Шурой, и решили они создать семью. Правда, Шура уже побывала замужем с месяцем, но ушел ее ненаглядный на фронт да там и спинул. А жизнь продолжалась...

Поначалу жили вроде бы душа в душу, родились дочь Татьяна и сын Николай. Шура не обращала внимания на то, что муж сразу взял «семейный кошелек» в свои руки, деньги «отпускал» лишь на самое необходимое, как говорится, лишь бы с голоду не умереть. Да и время-то было какое! После страшной войны, которой нахлебались все под завязку, мир-

ная жизнь все же казалась раем. Хотя страна поднималась трудно, было холодно еще и голодно. Но когда Шура забеременела третьим ребенком, жить стало совсем сносно, можно было позволить себе и поесть хорошо, и одеться. На базарах и в магазинах появилось много всяких товаров. Шура после родов дома не задерживалась, быстро возвращалась на свою швейную фабрику, все деньги до копейки по-прежнему отдавала мужу Федору. Замечала, что он стал совсем зажимистым и скандальным, но по-прежнему списывала это на синдром военного лихолетья и его германскую неволю.

Беременные женщины — народ непредсказуемый и привередливый, особенно в пище. Это всем известно. Однажды так захотелось ей селедки свеженькой, что хоть волком вой. Федор был на работе, да и денег у него выпросить трудно. Взяла взаймы у соседки, купила три рыбины да и съела их с аппетитом. Мол, придет, куда не денется — отдаст долг...

Но объяснение с Федором было ужасным. Таким она его не видела никогда. «Да что ты сдохла со своей селедкой! Она же денег стоит! Что, в доме хлеба нету? Я тебе и сахар в банке оставил! Еще не известно, родишь какого-нибудь выкидыша, а я корми его потом!» Целую неделю бушевал Федор, дико вращая глазами и замахиваясь на беременную жену. Шура была потрясена до основания. Замкнулась, почернела вся...

Родила она до срока дочку. Назвали ее Олей. Но вскоре открылось горе: она оказалась сле-

пой, малоподвижной, не разговаривала. Складывалось такое впечатление, что не было позвоночника. И врачам показывали, и к бабкам-знахаркам носили, но те только разводили руками. Через восемь лет «отмучилась» и «развязала» всем руки, как говорили соседи.

Все эти годы Шура находила утешение в работе, растила Татьяну с Николаем. Со своим мужем, ставшим абсолютным склеротиком, стерпелась да и мало обращала на него внимания, так же, как и он на семью. Родные и знакомые удивлялись ее терпению, спрашивали, зачем она живет с таким человеком. Шура отмалчивалась или говорила: «Видно, судьба моя такая, за что-то Бог наказал...»

Швейная фабрика выделила ей двухкомнатную квартиру. Дочь выросла, вышла замуж за хорошего парня Игоря, у Шуры родилась внучка. С Николаем вышло похуже. Связался с плохой компанией, дома появлялся редко, а вскоре после совершения преступления убыл в места не столь отдаленные...

То роковое лето было ягодным. Горожане устремились в леса и поля с ведрами и корзинами. К тому времени Татьяна с Игорем завели себе новенький «Москвич», жили дружно и самостоятельно.

— Собирайся-ка, мать! Прокатимся за ягодами с ветерком. Нечего дома куковать.

Повехали Татьяна и Игорь с маленькой дочуркой, да взяли еще и друга Игоря с сынишкой. Всего шесть человек. По Челябинскому тракту машина шла резво, по сторонам в полях, лесочках и березовых колках копошились неутомимые горожане. Решили проехать подальше. И тут случилось непоправимое: на приличной скорости машина потеряла управление и бешено закувыркалась с откоса. Татьяну вышвырнуло в окно. А всем остальным шансов выжить не осталось. Впоследствии врачи установили, что у Игоря, сидевшего за рулем, внезапно остановилось сердце, хотя он никогда раньше не болел и не жаловался на него. С многочисленными ранениями и переломами Татьяну доставили в больницу, где едва привели в себя через несколько дней в реанимации. А когда она пришла в память и спросила, где семья, успоко-

или, что с ней все в порядке. Святая врачеваная ложь!

По выписке из больницы знакомые, отводя глаза, привезли ее на левобережное кладбище к трем еще свежим могилкам. Друга с сынишкой родственники похоронили отдельно...

Казалось бы, конец этой истории. Ан нет! Отец Федор в это время на свои сбережения купил дом на коммунальном поселке, видимо, решив налаживать свою подкосившуюся жизнь. Но тут вскоре освободился из мест заключения сын Николай и пришел жить к нему. Во время очередной пьянки и поножовщины дом сгорел. Николай опять отправился за решетку, а посереверши от злости Федор на оставшиеся сбережения съехал к каким-то родственникам на родную Украину. Через некоторое время вернулся оттуда еще более мрачным и опустившимся: не приняли его там. Младшая сестра погибшей Шуры, работавшая в гардеробе заводоуправления, встретила его, жалкого и трясущегося, на Комсомольской площади. Он просил милостыню. А вскоре и вовсе пропал куда-то. А Татьяна жива и поныне, встретила человека, с которым доживает свой изуродованный судьбою век.

Вот такая история, о которой многие знают в городе. Фамилии я умышленно не называю по понятным причинам.

Говорят же: одной рукой собирает, другою раздавай. Дающего рука не оскудеет. А еще говорят, что скупой богач беднее нищего, что деньги лежат, а шура дрожит, что богат, как ильинский сот, а живет, как скот. Видимо, и у Федора того от скупости зубы смерзлись. Хотел из блохи голенище скротить, да на обухе рожь смолотить. Но либо корму жалеть, либо лошади. Да тут пожалел для беременной три селедки. Да, видно, скупой копит, а черт мощную тачает...

Потому и не верю я в случайности. Было ли случайностью проклятие беременной жене — тоже не знаю. И что на роду у человека вся судьба написана — тоже не верю. Проклятие — оно ведь и до седьмого колена доходит. Так-то!

А. ПАВЛОВ.